

структуру, ряд социальных институтов и общепринятых паттернов социальных отношений. 3. Изучение урбанизма как набора установок и представлений и как констелляцию личностей с особым типом социального поведения и социального контроля.

Вирт уделяет большое внимание описанию негативных характеристик личности горожанина. Несмотря на благоприятные условия для развития личности и приобретения статуса, вовлеченность в экономические, политические, образовательные, религиозные отношения, горожанин не застрахован от потери внутренней устойчивости и целостности личности. Психические расстройства, суицид, преступность, коррупция, беспорядок носят в городской среде более масштабный характер, чем в сельском сообществе. Вирт собрал большой эмпирический материал об аномалиях большого города, но признавался, что лежащие в основе этих явлений причины требуют дальнейшего анализа.

Не все выводы Вирта о городском образе жизни были подтверждены дальнейшими исследованиями социологов и психологов, однако его концепция урбанизма продолжает оставаться авторитетной и значимой для современных исследований города.

Литература

1. Вирт Л. Урбанизм как образ жизни // Социальные и гуманитарные науки. 1997. Серия 11. N 3.
2. Парк Р. Э. Культурный конфликт и маргинальный человек // Социальные и гуманитарные науки. Сер. 11. Социология. 1997. N 2.
3. Парк Р. Э. По ту сторону наших масок // Личность. Культура. Общество. 2001. Т. III. Вып. 1 (7). С. 111.

Ольховикова С.В.,
г. Екатеринбург

МИФ: ПРОБЛЕМА ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Интерес науки к мифу имеет более чем трехсотлетнюю историю. За это время возникло множество школ и научных направлений в области исследования природы и сущности мифа. Однако в начале XXI века ученые констатируют отсутствие универсальной модели мифа, неудовлетворительность самого понятия, которым пользуются современные исследователи, а так же сложности с языком описания этого явления.

На наш взгляд, эти сложности имеют весьма объективные причины. Во-первых, существующие теории мифа представляют взгляд европейской науки на миф. О том, что европейская философия сама себя изолировала, игнорируя восточную мысль, писал М. Элиаде [1]. Развитие знания о мифе в Европе происходило в общем русле гуманитарных наук, где главным вектором было усиление критического отношения к мифу. Реформация и Просвещение заложили основы европейской науки, сформировав основные принципы научной парадигмы. Поскольку «разум выше откровения» (Дж.Толанд), постольку исследователи мифа демонстрировали определенную отстраненность, взгляд на миф «извне». С.Булгаков писал, что «... наука изучает религию неверующим глазом, извне» [2]. Он говорит о том, что ученые относятся к религиозным памятникам как к фольклору, этнографической культуре. Эту мысль С.Н.Булгакова можно экстраполировать на современную науку о мифе, для которой он (миф) также есть фольклор, этнографический артефакт.

Во-вторых, действительно, миф - это особая реальность, особое пространство духовной сферы, поэтому и изучать его следует не с точки зрения категорий и понятий, которыми оперирует современная наука, а исходя из его особой природы и его собственных «законов». Именно такой подход к изучению мифа предлагал А.Ф.Лосев: «Миф есть (для мифического сознания, конечно) наивысшая по своей конкретности, максимально напряженная реальность. Это не выдумка, но наиболее яркая и самая

подлинная действительность» [3]. Именно особая модальность мифа, его, так сказать, «пограничная» сущность (между миром Истины и Культуры) вынуждает отойти от привычной позиции отстраненного, бесстрастного исследователя. Миф по отношению к культуре является своего рода кодом, в котором имплицитно присутствуют все составляющие культуры. Таким образом, в связке Миф – Культура, ведущим элементом является Миф.

«Миф – это единая, универсальная, исходная знаковая структура» [4]. Ключевое понятие в понимании природы мифа есть знак. Знак двойственен – одна сторона его связана с привычным для нас пониманием знака, другая сторона соотносит знак с его истоками. В этом смысле речь идет о «признаке» («первознаке» у А.Ф.Лосева), «участнике» космогонических событий. В сущности, признак есть прообраз знака на уровне проекции Мифа, мира конечных форм.

Миф изначально возникал как чрезвычайно сложная знаковая структура, в которой знак еще не соотносился с конкретной формой, а лишь со своего рода возможностью формопредставления. Главным организующим, формирующим принципом здесь является структурный принцип. Миф – это саморазвивающаяся знаковая структура и самораскрывающееся знание. Поэтому миф – это не мертвая, а предельно живая, динамичная структура, это своего рода «сосуд», в котором вызревают, формируются компоненты будущего содержания.

Таким образом, природа мифа трансцендентна, Миф дан человеку как возможность, структура, потенция. Миф творит Культуру, а человек творит мифы. Вообще, миф – настолько сложная (в смысле действующих внутри него знаковых структур и механизмов) и настолько всеохватывающая система, что на сегодняшний день еще не сложилась методика исследования, которая бы в полной мере соответствовала его природе. По этой же причине остаются проблемы и с формированием адекватного языка описания. Понятно, почему в исследовании мифа используются методы и категории то семантического анализа, то психологии, музыковедения, искусствознания, то

есть как раз тех областей, в которые «проник» миф, в которых он «проявился», «манифестировался». Иначе говоря, речь идет о спонтанном поиске своего рода метаязыка, который, несомненно, появится благодаря усилиям представителей разных смежных гуманитарных (и не только) наук.

И, в-третьих, миф действительно вненаучен, более того, он, по словам Э. Кассирера, «... в своем подлинном значении и сущности миф – не теоретичен. Он игнорирует и отрицает фундаментальные категории мышления» [5]. Для мифа характерен не только синкретизм, понимаемый как понятийная нерасчлененность. Понятийная слитность объясняет и смысловую амбивалентность и «оборотничество».

В мифе явления оказываются связанными совершенно иными причинно-следственными отношениями, особой каузальностью, которая в корне противоречит логике современного, рационально мыслящего человека. Дело в том, что в мифе не меньшее значение, чем мифообразующие знаки, рассматриваемые как смысловые узлы общей структуры, имеют отношения между знаками.

Речь идет о двух различных парадигмах мировосприятия – рациональной и мифологической. В рамках рациональной парадигмы основой суждения являются показания чувств, то, что ими не воспринимается, не обладает статусом достоверности, реальности. Описание (дескриптивизм) и дефиниция являются главными инструментами познавательной деятельности. В рамках современной научной парадигмы все в мире существует как бы само по себе, что формирует дискретный взгляд на мир.

Ключевым моментом, характерным для мифологической парадигмы мировосприятия, является представление о двух реальностях. Для нее очевидно, что человеческий мир, видимая реальность есть отражение высшей реальности, намного превосходящей первую во всех отношениях. В основе познания мира лежит особый принцип – сопричастность, соучастие, когда познающий субъект как бы соединяется с познаваемым объектом, проникает

в его «душу». Отправным моментом здесь является представление о нерасчлененности всего Сущего, целостности, всеединстве мира. Разум – лишь одна из познавательных способностей, которая имеет как достоинства, так и недостатки. Если наука оперирует понятиями и фактами, то миф – символами и смыслами. Научная парадигма видит мир (анализируя его) расчлененным, мертвым объектом. Мифологическая парадигма воспринимает его (соучаствуя) живым, целостным, одушевленным.

Проблема двух различных парадигм мировосприятия возвращает нас к вопросу об отличиях мышления древнего и современного человека. И, хотя некоторые авторы говорят о принципиальных различиях, все же более аргументированной кажется точка зрения Л. Леви-Брюля, который писал, что «... не существует двух форм мышления у человечества, отделенных друг от друга глухой стеной, а есть различные мыслительные структуры, которые существуют в одном и том же обществе и в одном и том же сознании» [6]. К. Леви-Стросс был солидарен с ним в этом вопросе. Более того, он замечал, что человек, говорящий о мифе, является мифотворцем. Данное обстоятельство внушает надежды на то, что объективные причины трудностей, сформулированные нами в рамках данных тезисов, будут преодолены.

1. Eliade M. Cosmos and History. The Myth of Eternal Return. N.Y., 1959.

P. 112.

2. Булгаков С.Н. Свет невечерний. Созерцания и умозрения. - М., 1917.

C. 92.

3. Лосев А.Ф. Диалектика мифа // Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. - М., 1991. С. 24.

4. Зубко Г.В. Миф: взгляд на Мироздание. - М., 2008. С.155.

5. Кассирер Э. Опыт о человеке. Введение в философию человеческой культуры // Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. - М., 1998. С. 526.

6. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. - М., 1994. С. 8.

Онипко А.А.,

г. Екатеринбург

СПЕЦИФИКА СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА К ИССЛЕДОВАНИЮ ФЕНОМЕНА САМООПРЕДЕЛЕНИЯ

Проблема самоопределения является очень актуальной в современной ситуации, характеризующейся разнообразием социальной жизни во всех ее сферах – в культуре, политике, экономике, религии и так далее.

На сегодняшний момент созрела необходимость формирования нового взгляда на феномен самоопределения, учитывающей обстоятельства, детерминированные не только внутренними потенциями личности, но и внешними условиями современного общества, столь разнообразными и противоречивыми.

Термин «самоопределение» употребляется в литературе в самых различных значениях. Данный феномен исследуется в рамках многих дисциплин. Каждый из дисциплинарных подходов выстраивает определенное понимание феномена самоопределения личности, что в целом складывается в некую концептуальную схему. Философская трактовка самоопределения исходит из постижения человеком истины, связанной с собственным жизненным путем (античная философия), с нахождением своего места в жизни, личностным переживанием своего внутреннего мира (философия